

ФРАНЦИЯ

МАГИЧЕСКИЙ ШЕСТИУГОЛЬНИК

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

АЛЕКСАНДР ТЯГНЫ-РЯДНО

Татьяна Щербина

**Франция. Магический
шестиугольник**

«ИП Гусев»

2014

Щербина Т.

Франция. Магический шестиугольник / Т. Щербина — «ИП Гусев», 2014

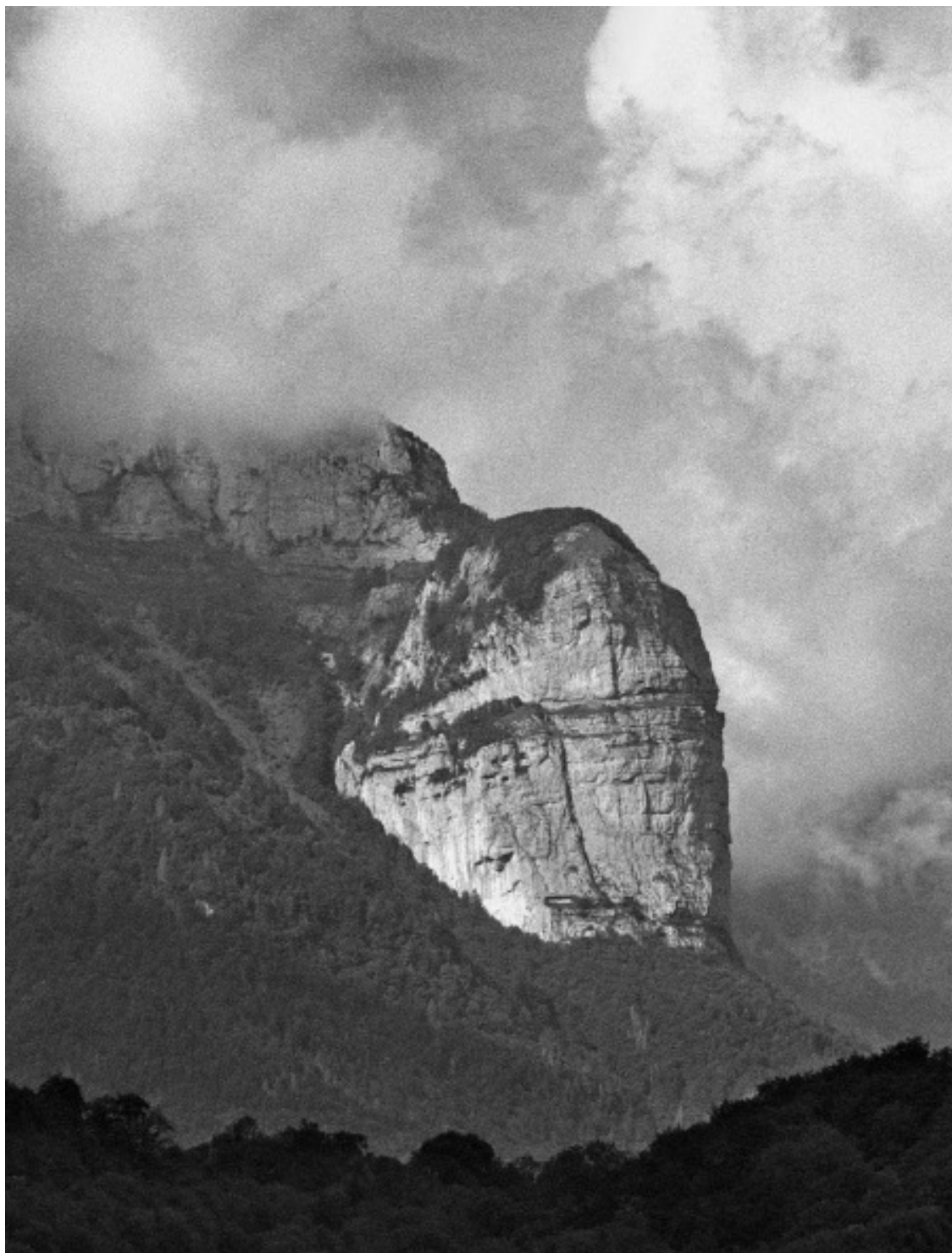
Карта Франции выглядит как распластанная шкура животного, шестиугольник. В этой книге представлен далеко не весь шестиугольник и не все его грани, но автор надеется, что читатель откроет для себя много увлекательного.

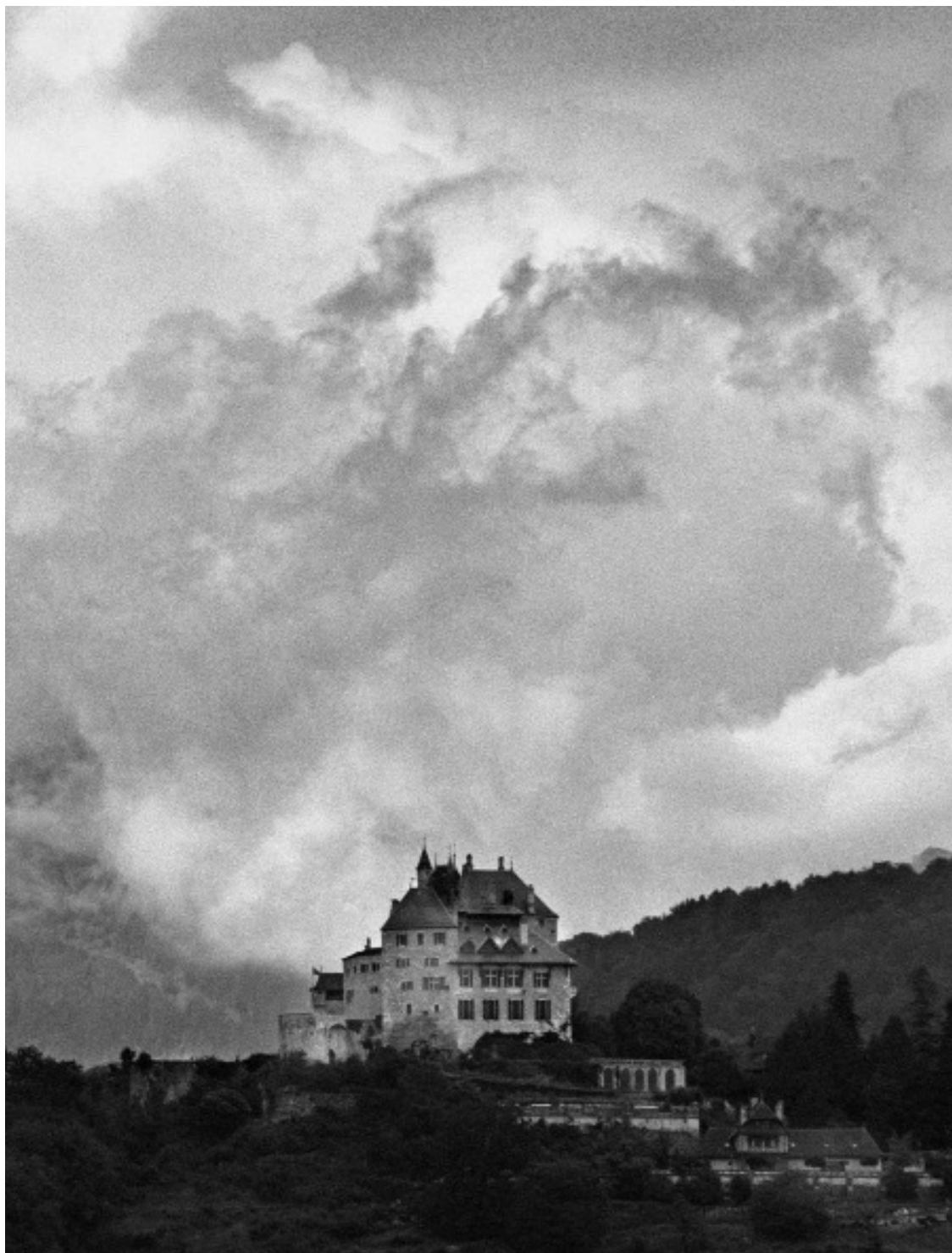
Содержание

Предисловие	9
Париж	13
«Вдыхайте Париж, это сохраняет душу»	13
Что значит шампанское	25
Русский Париж	32
Парижские безделицы	41
Париж накануне третьего тысячелетия	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Щербина, Александр Тягны-Рядно
Франция: магический шестиугольник

Макет и фотографии Александра Тягны-Рядно

Оформление обложки Валерия Малинина

Предисловие

Некогда писали книги-утопии: о городах и странах, в которых хотелось бы жить, но их не существует. Это – когда еще надеялись найти правильное социальное устройство. Потом стали писать анти-утопии: ужастики о городах и странах, в которые вот-вот превратится мир. Это – с тех пор, когда больше не надеются, а только боятся. Я нашла для себя идеальное место на Земле, о нем и эта книга.

Собранные здесь тексты написаны между 1995 и 2006 годами. Стоит обращать внимание на дату, потому что за эти двенадцать лет многое менялось. Франция вообще – подвижный организм, в национальном характере – изобретать, улучшать, раскапывать, реставрировать. Или кардинально переустраивать, последним таким шагом был отказ от колоний, а в 1789-м – революция. Франция сохранила от монархии централизованное государство, пиетет перед старой аристократией и вековыми традициями, незыблемость собственности, но став социальным государством, она им остается по сей день. Каждый работающий человек может позволить себе то же, что и миллионер: путешествовать, покупать квартиры и машины, ходить в театры и рестораны, получать образование и лечиться. Это позволяет система налогов и страховок. Разница между богатыми и бедными – ступени лестницы, а не пропасть. Социальная несправедливость, которая есть и всегда была в России, во Франции существовала лишь до революции. Свобода, равенство и братство – не просто лозунг. Неслучайно в США стоит французская статуя Свободы: французы не терпят малейшего притеснения, потому в течение веков до мелочей прописывали законы, перед которыми все равны, и учредили разделение трех ветвей власти. Братство, оно же солидарность, – это пресловутые забастовки и демонстрации, происходящие оттого, что всем до всего и до всех есть дело.

Когда в последние годы я приезжаю во Францию, меня посещает необычное чувство. В Москве и повсюду кажется, что мир висит на волоске: теракты, войны, цунами, высокий градус ненависти – будто некая разрушительная сила кружит над Землей. Стоит оказаться во Франции – и возникает уверенность, что даже если мир рухнет, она устоит. Столько любви и труда вложено в возделывание земли, в архитектурные шедевры и уход за ними, такое здесь благоговение перед историей, человеческой жизнью, такая забота об экологии («долговечность окружающей среды» – такой здесь принят термин), что просто невозможно, чтоб все это пропало. Жизнь рассчитана на вечность, и все знают, что завтра им предстоит держать ответ за вчера. Здесь тоже случаются природные и социальные катаклизмы, но французы всегда ищут интеллектуальных, а не отчаянных решений. Рациональность – одна из важных французских черт, Франция – картезианская страна: я мыслю, значит, я существую, а не наоборот.

Французы не любят повторов. Потому и свою страну, чтоб не повторять все время слово «Франция», часто называют «Шестиугольник» (Hexagone). Карта Франции выглядит как распластанная шкура животного, шестиугольник. Вот и я, чтоб не повторять, назвала книгу «Магический шестиугольник». Магический – по аналогии с математическим магическим шестиугольником – поскольку материальных объяснений благоденствия этой врезанной в карту мира фигуры не хватает. Правда, шестиугольной Франция стала лишь во второй половине XIX века, когда приобрела сегодняшние границы. «Нам повезло, что у нас столь разнообразная природа и культура», – говорят французы. Но в разные века мистические теории не оставляли эти земли. Теперь многим известна легенда, будто бы сюда приплыла Мария Магдалина и родила здесь сына от Иисуса, который положил начало династии Меровингов. Здесь будто бы хранились свитки с тайным знанием, вывезенные тамплиерами из Иерусалимского храма, – Святой Грааль. Здесь жил Нострадамус, и ясновидящие не перевелись по сей день. Здесь родилось масонство, здесь изобрели фотографию и кино. Франция – цитадель христи-

анской цивилизации и культуры. Основанной на любви, милосердии и концепции человека творящего, а не только рассуждающего.

Ключевых французских понятий – шесть, по числу углов: *le patrimoine*, *l'art de vivre* (искусство жить), *la raison d'être* (смысл существования) и уже упоминавшиеся *la liberté*, *la fraternité*, *l'égalité*. Первое – это непере译имое на русский понятие: «культурное наследие». Ни в одной стране мира оно не сохранилось в такой полноте, нигде его не защищали любой ценой – проиграть битву, но защитить созданное предками. Потому что поражение сиюминутно, «и поражения от победы ты сам не должен отличать» (Пастернака, кстати, очень любят во Франции), а творение вечно. Наши творения – это и есть мы. Французы стараются превратить всякую деятельность в творческую. «Искусство жить» отсюда следует: вина, кухня, мода, дизайн – жить следует вкусно, красиво, изящно. Дух и быт для французов слитны. «*Douce France*» – пел основоположник французского шансона Шарль Трене – «Нежная Франция», и это как нельзя более точное ее определение. Не менее важен для француза и вопрос: зачем? Француз всегда знает, чего хочет. Таких понятий, как «подвернулось» и «сложилось», здесь не существует. Все делается с каким-то смыслом, а не потому что так получилось. И хотели как лучше, и получилось так же – разве это возможно без магической помощи?

Франция не то чтобы никогда не наступает на грабли, но никогда – на одни и те же. Она собой очень дорожит. Наверное, поэтому многие мечтают если не жить и умереть в Париже, то побывать там. «Вдыхайте Париж, это сохраняет душу», – писал Гюго, но сегодня я сказала бы так обо всей Франции и даже в меньшей степени о Париже. В этой книге представлен далеко не весь шестиугольник и не все его грани, но я надеюсь, что читатель вместе со мной откроет для себя много увлекательного.

У книги – два автора: монохромные фотографии Александра Тягны-Рядно, сделанные с 1994 по 2006 г., составляют самостоятельный сюжет, хотя это все тот же магический Шестиугольник, по которому мы часто путешествуем вместе. Мы даже познакомились в Париже, в 1994 году.

Несколько поездок нам помог осуществить Дом Франции в Москве, за что мы ему благодарны.

Татьяна Щербина

Париж

«Вдыхайте Париж, это сохраняет душу»

«Париж стоит мессы» – вздыхают на шести континентах.

«Эталон» – французское слово, и Париж – своего рода эталон. «Маленьким Парижем» города самоназываются с гордостью, «Париж стоит мессы» – вздыхают на шести континентах. Париж – не единственный красивый город на свете, но Гюго не зря написал: «Спасти Париж – это больше, чем спасти Францию, – это спасти весь мир».

Мне довелось прожить в Париже несколько лет, и каждый день я обнаруживала, что он не делится на «живой» и «исторический», жилой и офисный, на памятники и новостройки, в его знаменитых кафе и ресторанах не просто едят и пьют, там студенты за чашечкой кофе готовятся к экзаменам, там назначают встречи – дружеские, деловые, любовные, там ищут уединения, сидя за столиком с газетой, книгой или просто наблюдая жизнь вокруг.

Кафе – основа парижской жизни. Для разного настроения есть разные кафешки, кофейни, кафе как во дворце, как на вокзале, как на рынке, как в беседке – они почти в каждом доме. Есть крохотные, свойские, как у себя на кухне, где с официантом или барменом можно поговорить, будто это попутчик в купе. Есть те, куда ходят специально, чтобы посмотреть на топ-моделей и кинозвезд (например, новое кафе в Лувре), можно пойти и в рестораны, где привыкли ужинать политики, включая президента, – в Париже нет закрытых заведений, спецобслуживания и спеццен. Франсуа Миттеран любил посещать ресторан «Le Fouquet's» на Елисейских Полях, один из самых дорогих, но желающим оказаться лицом к лицу с президентом вовсе не обязательно было раскошелиться: можно было провести вечер с чашкой кофе.

В Париже есть рестораны всех народов мира, где не только кухня, но и официанты, и дизайн аутентичны: так что можно, не выезжая из Парижа, вдохнуть атмосферу хоть Индии, хоть Африки, хоть Америки, хоть России. Можно совершить и путешествие во времени: например, в знаменитое кафе «La Closerie des Lilas», где к каждому столику прибиты медные таблички с именами известных писателей и художников: Бодлер, Верлен, Дега, – там, где любил сидеть каждый из них. Все в этом кафе, вплоть до клавесина, на котором играют то же, что и полтора столетия назад, осталось прежним.

Кафе – основа парижской жизни.

Кафе есть и в Лувре, и в Версале, и в здании знаменитого театра «La Comedie Francaise» – собственно, эта неотъемлемая и, возможно, главная составляющая парижской жизни и создает ощущение сосуществования всех эпох, стилей, народов. Кафе оживляют исторические монументы, которые, таким образом, не просто «посещают» – в них живут, как живут люди и в домах XIII века, которых сохранилось немного, но они за семь веков не превратились в рухлядь благодаря чисто французской черте: ежедневно поддерживать в первозданном виде все свои сооружения и ценности. Отколупнулся кусочек штукатурки – тут же заделали, нагадила птичка – тут же помыли. Я жила в доме XVIII века, где построенную тогда же деревянную винтовую лестницу в подъезде натирали каждый день – оттого она и не снашивается уже два века. На доме этом не было таблички «памятник архитектуры» – дом как дом, каких много в Париже.

Лувр впустил в себя стеклянную пирамиду, оставаясь самим собой. Пирамида стала приглашением новому тысячелетию спуститься в музей предыдущего.

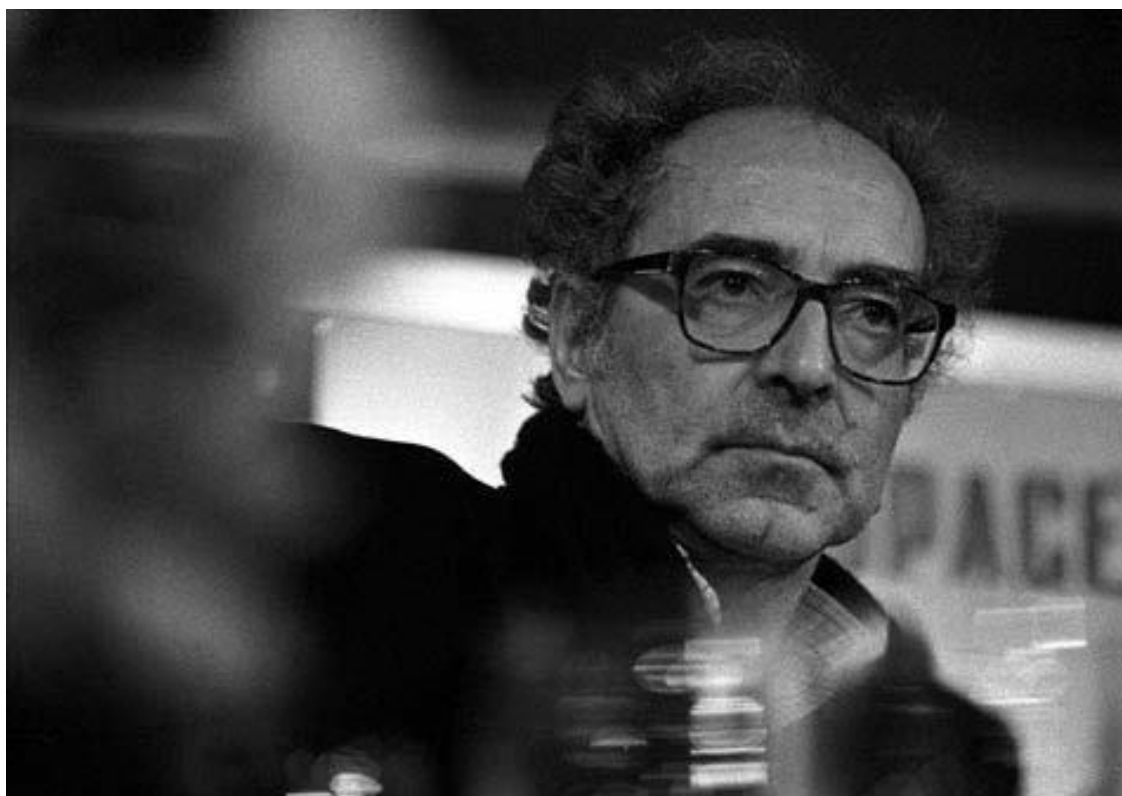
Шарль Бодлер сетовал в стихах: «Старого Парижа больше нет, форма города меняется, увы, быстрее, чем сердце смертного». Мопассан, как известно, ненавидел построенную при нем Эйфелеву башню, считая, что эта пошлая железяка непоправимо испортила город благородного серого камня. Но в том и фокус Парижа, что он постоянно встраивает в свою историю современность, монтирует ее в живую жизнь. В отличие от России, история во Франции не отменяется и не заменяется «новыми веяниями»: Лувр впустил в себя стеклянную пирамиду, оставаясь самим собой.

Центр современной культуры Жоржа Помпиду – с вывернутыми наружу разноцветными трубами-кишками. Это был писк моды семидесятых.

Пирамида стала приглашением новому тысячелетию спуститься в музей предыдущего и посмотреть через стекло на каменные дворцы вокруг, как смотрят на драгоценную картину в раме, понимая, что ничего подобного уже не будет создано. Район, известный как «Чрево Парижа» (так называется и один из романов Эмиля Золя), когда-то был дном, клоакой. Решено было нехорошее место сделать как можно более благородным. Сначала построили Бобур, он же центр современной культуры Жоржа Помпиду, – с вывернутыми наружу разноцветными трубами-кишками. Это был писк моды семидесятых, архитекторов пригласили самых знаменитых – англичанина Ричарда Роджерса и итальянца Ренцо Пьяно. Пьяно объяснял свой проект как желание «разрушить пугающий образ культурного учреждения, это мечта о свободе отношений между искусством и людьми, и чтоб одновременно можно было вдохнуть город». Не

он первый сказал: «вдыхать Париж», но он не цитировал, а выразил собственное ощущение. И потому построил прозрачное здание. Бобур достиг своей цели, культурная жизнь в нем забурлила, но в двух шагах дно продолжало клубиться. Тогда на этом месте построили подземный торговый центр и пересадочную станцию нескольких линий метро. О прежнем чреве Парижа ничто больше не напоминает. И все равно, на соседней улице Сен-Дени жмутся по стенкам проститутки, и наркоманы поздно вечером облепляют ступени, ведущие в красочное подземелье. Место продолжает излучать свои волны, но насколько благоустроенным стало место, настолько респектабельнее стало и дно – просто безобидные маргиналы.

Жан-Люк Гэдар. С ностальгией вспоминают парижане об «интеллектуальных» взрывах 50-х.

Французы посчитали, что Триумфальной арке, стоящей в центре площади Этуаль, нужна рифма 20 века, и построили чуть дальше на западе Парижа колоссальную квадратную скобку, светящуюся вечером разными цветами, – Grande Arche de la Defense. Когда едешь по западному шоссе, видишь ровно в проеме арки Дефанс классическую Триумфальную – ее как бы вставили в современную раму. Район Дефанс – новый, это парижский Нью-Йорк: небоскребы, каждый из которых построен по индивидуальному проекту. Так что назвать это в нашем понимании новостройкой никак нельзя.

Несмотря на свою всемирную репутацию одной из жемчужин Парижа, Монмартр как был демократическим местом, где молодые художники рисовали и продавали свои картины, так им и остается. Разница все же есть: сегодняшние художники в Пикассо не выбьются, и продают они не творения – ценителям, а сувенирный товар – толпам туристов. Повсюду слышен аккордеон, в тавернах хором поют народные песни. Храм Сакре-Кёр – вершина горы Монмартр, к нему можно совершить настоящее паломническое восхождение за «священным» медальончиком Сакре-Кёра, но все предпочитают пользоваться фуникулером. Сделать усилие в наше время – не радость, а неприятность. Хорошо, что французы не модернизируются с осторожностью: они и обычной почтой пользуются по-прежнему, несмотря на наличие электронной, пишут

письма и открытки. Если бы французы отказались от усилий, Париж вдыхал бы выхлопные газы (с качеством бензина и возрастом машин тут строго), под видом реставрации сносил бы старые дома, возводя доходные многоэтажки – в общем, было бы все как в Москве. Причем, есть тут определенный парадокс. В Москве люди крутятся как белки в колесе, а результат – «как всегда», чему есть объяснение: ничего не сделали, потому что дел по горло. В Париже никто никуда не спешит: плавно пообедали, спокойно попили кофе, весь вечер ужинали, а дело сделано. И ведь еще один парадокс: в Париже уволить никого нельзя, а в Москве – запросто, но парижане стараются больше.

Париж по природе своей – город постмодернистский: он – собрание цитат всего мира, он сам – мир, меняющийся каждую минуту.

Легко узнать коммунистические районы: бедные, уродливые, грязные. То ли потому что такие люди становятся коммунистами, то ли коммунизм развращает – факт тот, что восток и север Парижа усилий делать не любят. А может, это вообще свойства Востока и Севера, где бы они ни находились. Самый уважаемый в Париже, как и в Москве, – запад, а юг ведет к Версалью, бывшей резиденции королей, ныне – пестрому и оживленному пригороду, обступившему дворец со всех сторон. Во флигелях дворцового комплекса – то приемы, то концерты, так что королевским теньям не скучно.

Сакре-Кёр – вершина горы Монмартр, к нему можно совершить настоящее паломническое восхождение за «священным» медальончиком Сакре-Кёра.

Вообще-то Париж переживает период скуки: никаких тебе клошаров и хиппи «шестьдесят восьмого» – только унылые бомжи, никаких сюрреалистов, импрессионистов, дневавших и ночевавших в кафе, куда сбегались «приобщиться к биению жизни» толпы парижан, – один лишь ресторанный бизнес, процветающий на их именах. Ушла и эйфория «потребления» 80-х, когда помойки изобиловали исправными стиральными машинами, телевизорами и прочей техникой потому лишь, что все хотели иметь самые новые и модные модели. С ностальгией вспоминают парижане об «интеллектуальных» взрывах 50-х (Годар, Роб-Грийе, Кокто) и 70-х годов (философы Бодрийяр, Деррида, Ролан Барт), когда все стремились докопаться до истины. Сейчас, как кажется, спад, депрессия – возможно, это просто кажется современникам, как когда-то им казалось окончательным падением Парижа взятие Бастилии, постройка Эйфелевой башни, Бобура, установление в городе модернистских скульптур Танжера. Но Париж по природе своей – город постмодернистский: он – собрание цитат всего мира, он сам – мир, меняющийся каждую минуту, и не забывший ничего с момента своего сотворения на маленьком острове Ситэ. Гюго советовал: «Вдыхайте Париж, это сохраняет душу».

2000

* * *

Алезья из языка изъята,
Монпарнас отправился в пампасы.
Еще как бывает место свято
пусто! Ну не свято, пусть, а красно,
или выше степенью – прекрасно
было это логово накала:
прямо в сердце мне вино вливало,
и оно искрило сваркой тел,
или просто ангел пролетел.
Пролетел. Слезами истекало
белое вино, и я алкала
воздух смога. За стеклом Париж
скрылся, отражением в витринах
я осталась, привиденьем лишь.
Так и поселяются в старинных
замках – на Луаре, в Фонтенбло,
и из речи исчезает мякоть,
превращаясь, если долго плакать,
не в сухой остаток, а в стекло.

2002

Что значит шампанское

...события закружились вслед за моей кружившейся от шампанского головой.

«Советское – значит, шампанское», – была такая в СССР присказка, лишенная смысла, но исполненная сарказма. Другого шампанского, кроме советского, мы не знали, пить его я обычно отказывалась, от него болела голова. Но я любила Новый год со всей его атрибутикой: елкой, блестками, Дедом Морозом и загадыванием желаний ровно в полночь. Для этого непременно надо было поднять бокал шампанского, осознать величие момента и выпить до дна. И вот, наверное, оттого, что шампанское было советским, ненастоящим, желания исполнялись плохо.

1991-й Новый год впервые прошел без шампанского – его просто не было в продаже, как и ничего другого, на прилавках стояли только банки со сливовым компотом. После бокала компота голова все равно болела, поскольку у меня было тогда сотрясение мозга. Следующий Новый год, 92-й, я впервые встречала не дома: в Мюнхене. Там я узнала, что шампанское – значит, французское, а другого не бывает. Шампанское производят во французской провинции Шампань, остальные напитки этого рода называются игристыми винами, в Германии – sekt. Но пили мы в Мюнхене не sekt, а самое что ни на есть шампанское. Я, как обычно, загадала желание, и было оно каким-то отчаянным и расплывчатым, больше похожим на нервный срыв: «Доколе!». Большая, бессмертная, настоящая, безоглядная, умопомрачительная – где она? Почему ходят, как сказал поэт, «в праздной суете разнообразные не те?». И еще: Мюнхену, второй стране, где я жила после СССР, хотелось поскорее откланяться, но работа была именно там. И наконец: я объездила уже много стран и никогда не была в той, к которой меня приучали с детства: французский язык, литература, план Парижа так и оставались чисто теоретическим знанием, которое должно же было когда-нибудь соединиться с жизнью!

Шампанское – значит, французское, а другого не бывает.

Такой вот ряд претензий вызвали один за другим бокалы шампанского, после которых голова не заболела, а стала кружиться в переносном смысле слова. Кружение это привело к совершенно удивительным последствиям. Неожиданно мне пришло приглашение на фестиваль во Францию, на фестивале мне неожиданно предложили контракт на книжку, съездив еще пару раз в Париж, я и не заметила, как там поселилась. Просто так, без вещей, считая, что я все еще «прописана» в Мюнхене. Так же неожиданно дали вид на жительство, подвернулась квартира, события закружились вслед за моей кружившейся от шампанского головой, и в благодарность этому чудодейственному напитку я даже поехала в провинцию Шампань, проделав туристический маршрут, называемый «La route de champagne», «дорога шампанского». Мне показали, как оно делается, объяснили, чем «Moet et Chandon» отличается от «Pirper Heidsick». Французы вообще умеют себя подать, и из производства шампанского сделали эта-

кий мини-диснейленд, когда турист едет в вагонетке по черному подземелью, а у него на пути вдруг высвечиваются огромные гроздья винограда, бочки и все то, что сопровождает процесс изготовления этого торжественного напитка.

Та новогодняя ночь казалась мне пиком, самым высоким и счастливым днем моей жизни. Впоследствии оказалось, что все же это была волшебная сказка.

Незаметно, после мая, когда я обосновалась в Париже, наступил декабрь. Я только что вернулась из поездки в Москву и ощутила, что вокруг – милые, но совершенно чужие люди. Встретилась со старым другом, женатым человеком, который как раз приехал работать в Париж. Он добивался моей любви все пять лет нашего общения, и я вдруг сдалась: просто это был единственный родной, то есть знакомый еще по первой моей стране, человек. Именно с ним, в Москве, я впервые обрела франкоязычного собеседника. А тут, и ахнуть не успев, оказалась за не известной мне доселе чертой. Произошел фейерверк: то самое умопомрачительное, безоглядное, называемое «не могу без него жить». Мы расставались только на время его работы. Он сказал жене, что любит меня, скандал был чудовищный, с далеко идущими последствиями, в силу специфики его дипломатической службы. Жена тут же уехала домой, в Бельгию, а вскоре настал Новый год. 31 декабря мой избранник поехал встречать его с семьей, от Парижа это три с половиной часа на машине, а я отправилась в отель «Лютеция» (Лютеция – первое название Парижа), куда меня пригласила на новогоднее торжество редакция французского радио «France-Culture».

Отель «Лютеция» – один из самых дорогих и красивых в Париже. «France-Culture» позвала туда своих героев: артистов, писателей, певцов и вела на всю страну прямой репортаж о праздновании Нового года. Таким образом, хорошо было всем: для отеля – реклама, что у них Новый год отмечают знаменитости, для радио – тоже реклама, для деятелей культуры – праздник в приятной компании, в отеле, похожем на дворец и славящемся вкусной кухней. Шампанское искрилось, передача называлась «La nuit magnetique» («чарующая ночь»). Ведущая периодически подходила к участникам праздника, просила что-нибудь сказать, пропеть,

рассмешить или еще как-нибудь поздравить слушателей. Меня попросили сначала прочесть стишок, а потом спеть какую-нибудь русскую песню. Петь я совсем не умею, но после полбутылки шампанского меня это уже не останавливало, и я изобразила пару куплетов «Катюши». После аналогичной дозы другие тоже не заметили, что «иногда лучше жевать, чем петь», и всем было очень весело. Весело ли было мне?

Я говорила себе, что для меня большая честь быть приглашенной на этот праздник, что здесь я могу познакомиться с цветом французской культуры, что это самый красивый Новый год в моей жизни. Говорила я себе это все, отказываясь танцевать, стараясь уединиться со своим бокалом, чтобы ни один глоток шампанского не прошел в пустой светской беседе, а был бы оснащен еще и еще раз загадываемым желанием. И все же мне было весело, особенно, когда я представляла себе, как вернусь домой, в пустую квартиру своей третьей страны и завтра буду плакать весь день. Но пока, сегодня, пузырьки шампанского бодрили, и около шести утра к порогу своего дома я подошла с чувством, что нахожусь в пространстве волшебной сказки. Чудо произошло: на ступеньках сидел мой возлюбленный, который ждал меня уже целый час.

Та новогодняя ночь казалась мне пиком, самым высоким и счастливым днем моей жизни. Впоследствии оказалось, что все же это была волшебная сказка, которую реальность выплюнула на отведенное ей место. Через пару лет я вернулась жить в Москву, это была уже другая страна, четвертая по счету, Россия с триколором цветов французского флага – она же два прошлых века мечтала походить на Францию. Я встретила Россию, у которой на полках магазинов появилось настоящее шампанское, и она спешила загадать как можно больше желаний.

1999

Русский Париж

Мост Александра III

Париж есть Париж: нравится он кому или нет, о нем мечтает каждый житель планеты, и пальму первенства в мировом туризме он держит не одно десятилетие. Это не просто пиар, умение «продать» свою страну и ее столицу – французы заботятся о каждом камушке, винтовых деревянных лестницах, сохранившихся как новенькие в домах трехсотлетней давности, и забота эта ежедневная, любовная, французы бесконечно преданы своему наследию, «patrimoine», как это звучит по-французски, образование от слова «родина». Была междоусобная резня, кровавая революция и пугающие войны, когда по Елисейским Полям маршировали казаки в 1814 году, а спустя полтора века – гитлеровские солдаты, и французы боялись больше всего на свете, что разрушат их церкви и дома, они готовы были поднять руки вверх, лишь бы patrimoine осталась в целости и сохранности. Кое-что на протяжении веков разрушалось, но все это обязательно отстраивалось заново.

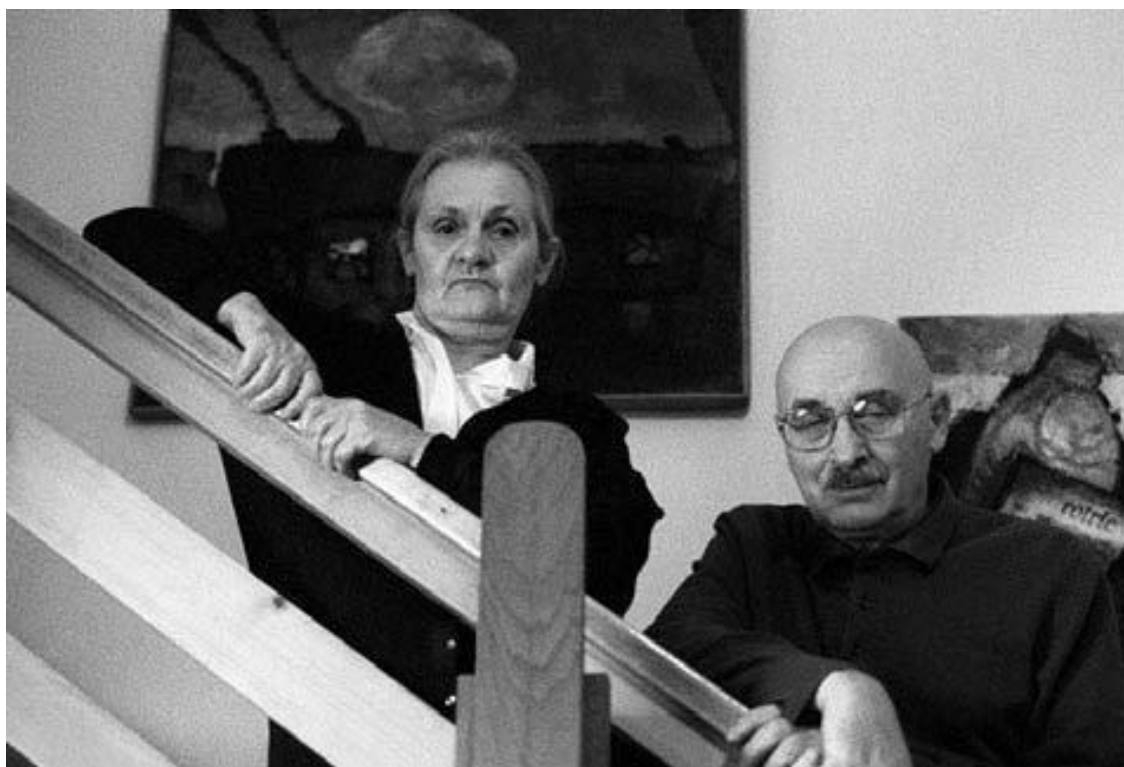

Мстислав Ростропович

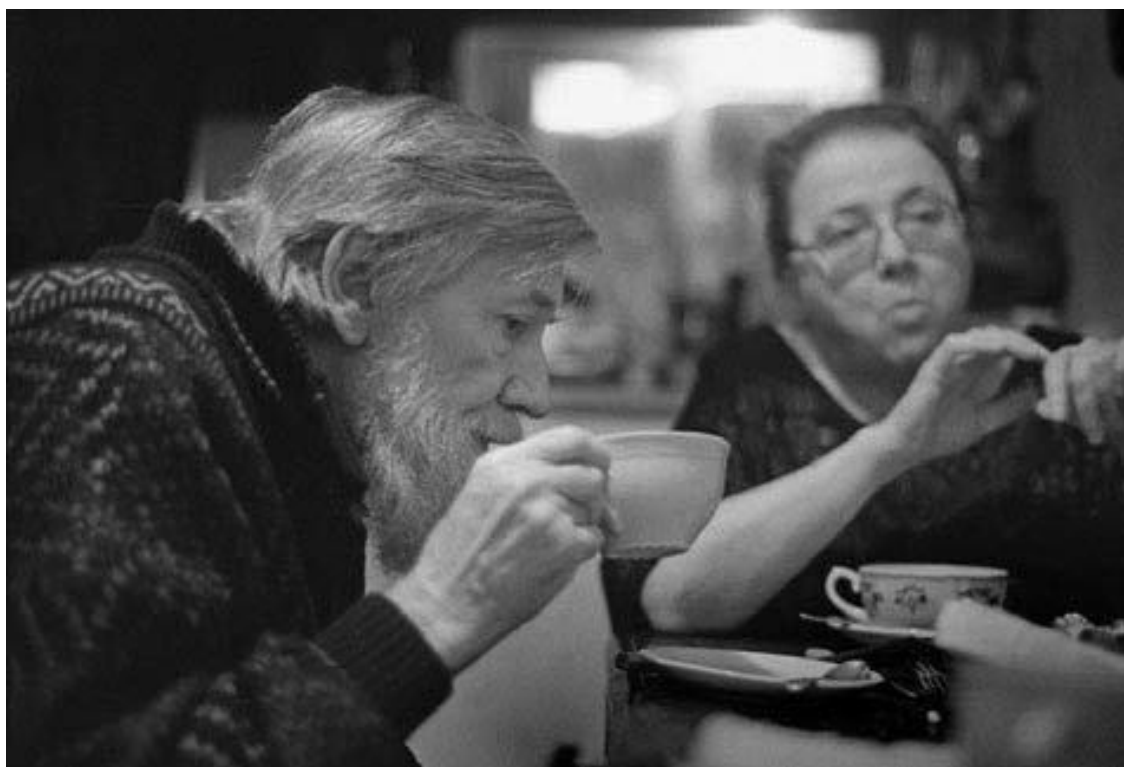

Марина Влади

Французы, в противоположность России, никогда ничего не отменяли: в сегодняшней республике все потомки королевских фамилий остаются почетными принцами и принцессами, а аристократы в демократическом обществе следуют неизменному правилу *la noblesse oblige*, то есть благородная кровь обязывает. Их фамилии передаются из поколения в поколение и сегодня легко различимы для каждого местного жителя. Но герои и символы Революции не менее почитаемы, палачи и жертвы французской истории, некогда смертельные враги, злые и добрые правители – все запечатлены в названиях улиц, памятниках, все навеки застывают в примирительном союзе, ведь все они – французы, и каждый из них внес свою краску в *patrimoine*. Но французы – не шовинисты, как часто воспринимают их иностранцы, они себялюбивы, но открыты всем народам и культурам.

Ольга Кропивницкая и Оскар Рабин в своей мастерской

Андрей Синявский и Мария Розанова

Посмотрев с высоты на разные кварталы Парижа, можно увидеть в каждом из них мемориал какого-нибудь нашего соотечественника. 1-й округ – это где Лувр, королевские дворцы, главный театр Франции La Comedie Francaise и главная библиотека. Центральная улица – Риволи, там жил Тургенев, завтракая обычно в кафе Пале-Рояль, куда любил заходить и Гер-

цен, живший и умерший на этой же улице, здесь бывали Батюшков и Карамзин. Париж давал приют русским революционерам, Горькому и Ленину, а на эспланаде Инвалидов, в respectable 7-м округе, как-то утром 1914 года собрались целых 9 тысяч русских эмигрантов, социалистически настроенных, чтобы записаться во французскую армию. Спустя несколько лет Париж принимал противоположный лагерь: белую гвардию, Цветаеву, Бунину, Анненкова, о. Сергия Булгакова, Марка Шагала, Мережковского и Гиппиус, нашедших в Париже свой дом, многие другие, от Карамзина до Ахматовой, бывали здесь время от времени. Именно живя в Париже, во 2-м округе, Гоголь создал свое главное произведение («Смешно подумать, что я написал “Мертвые души” в Париже», – удивлялся он сам, имея в виду исключительно русский колорит романа).

Могила Андрея Тарковского на русском кладбище Сен-Женевьев–де-Буа.

Здание Гранд-Опера в 9-м округе напоминает, как здесь дирижировал Стравинский, пел Шаляпин, декорации к спектаклям делали Бакст и Бенуа, костюмы – Головин. А театр Шатле в 1-м – это балеты Дягилева и Нижинского. Париж стал городом Ростроповича, Синявского, Оскара Рабина, здесь закончил свою жизнь Андрей Тарковский. Несмотря на всю противо-

положность русского духа – мятежного, беспечного, готового лежать всю жизнь на печи или бежать на край света за Жар-птицей, в вечном раздоре личности с властью, – французскому: материнскому, рачительному, дающему приют странникам и поддерживающему очаг с редким тщанием, – две культуры оказались сочетаемы и нужны друг другу. Как объяснить, что успешный купец Елисеев бросает все и сбегает навсегда в Париж еще до всякой революции? В музее Родена, наряду со скульптурой Нижинского, выставлен бронзовый бюст второй, парижской жены Елисеева.

Почти три века образованная Россия говорила по-французски, и Париж, конечно, был центром ее притяжения, теперь, перейдя на английский, русские устремляются в Лондон и Нью-Йорк. Впрочем, и приоритеты поменялись: бизнес и наука заняли традиционное место литературы и искусства. А у Парижа ничего не меняется: под его крышами живут новые Пастеры и Гюго, разве что русские стали в Париже категорией туристов. Они взбираются на Эйфелеву башню, башню Монпарнас или идут в бар гостиницы-небоскреба Concorde-Lafayette, чтобы увидеть панораму города. Панорама позволяет увидеть все в одном флаконе, одним взглядом, но Пастеры и Гюго, как всякого рода изыски, которыми славится Париж, на ней совершенно неразличимы.

2004

Парижские безделицы

Человек – он что?

Один и тот же, только один богатый, другой бедный, один простой, другой знаменитый, у одного фобия, у другого депрессия.

Париж – самый посещаемый город в мире. А толку-то! Туристу не дано разобраться в сути этого волшебного города. В Париже все пространство окультурено, оприходовано, освоено, индивидуализировано. Если в Москве людей больше, чем магазинов, лавочек, ресторанов, закутков, закоулков и разнообразных предметов, то в Париже всё наоборот. Человек – он что? Один и тот же, только один богатый, другой бедный, один простой, другой знаменитый, у одного фобия, у другого депрессия. Правда, сердце у парижан никогда не болит, поскольку они профилактически пьют бордо и божоле.

Французский продавец – не то что наш: он досконально знает, что продает, и гордится тем, что продает, по крайней мере, делает вид.

Их болезни – от одиночества, когда внутреннего, когда внешнего. И от расписания, которое нельзя нарушить: 13 ч. – обед, 20 ч. – ужин, с 17 до 19 – тайные свидания. Они так и называются: *de cinq a sept*. Химчистки, еще до всякого пятна на платье Моники Левински, взяли и назвали по аналогии: *de 5 a sec*, то есть, с пяти и до высыхания, в данном случае, сухой чистки. Все эти свиданки тоже от одиночества. Однажды на Елисейских Полях меня кадрил прохожий, оказавшийся большим начальником и даже кавалером ордена Почетного Легиона. У нас такие люди не знакомятся на Тверской с грустными женщинами. Я откликнулась: заразившись парижской депрессией, я делилась ею с незнакомцами, знакомых в Париже «грузить» не принято. Я говорила, что всё это от климатической тоски: полгода, с октября по апрель, пасмурных дней больше, чем солнечных, дождь моросит мелко, но часто, что парижане считают себя картезианцами, рационалистами, и от этого холостого мыслительного процесса в непогоду развивается хроническое чувство одиночества.

У каждого парижанина, если он не бомж, есть *agenda*, ежедневник, и он обязательно должен быть заполнен на три недели вперед. Если не заполнен – значит, твоя жизнь пуста и ты никчемный человек. Это потому вам предложат встретиться через три недели, что раньше – неприлично: все дни должны быть якобы заняты. Причем, вам не преминут перечислить для убедительности, что завтра у вас *diner* с таким-то («Как, вы не знаете?») И вам объяснят, какой

это важный *patron* или сколь знаменит будущий партнер по ужину в своем кругу). Через неделю – *diner* с бывшими соучениками (и вы поймете, сколь престижное учебное заведение закончил ваш собеседник). Через две недели – «ужин, который отменил бы с удовольствием, но увы». А на самом деле ваш знакомец гуляет по городу, когда сидеть дома ему совсем уж не вмоготу. Парижская жизнь – больше город, чем дом. Посидеть в кафе с газетой и кофе, пойти в ресторан целенаправленно: есть устриц *fines claires* – это такая разновидность, – провансальскую кухню или посетить знаменитое кафе «*La closerie des Lilas*», о чем потом можно долго рассказывать.

Brocanie – это такие ярмарки, разворачивающиеся по выходным на городских площадях.

Но куда себя спрятать в бесконечности уикенда? Для этого всё предусмотрено. Можно пройтись по набережной Сены, где букинисты похващаются редкими книгами, гравюрами, автографами. Французский продавец – не то что наш: он досконально знает, что продает,

и гордится тем, что продает, по крайней мере, делает вид. Так что букинист умеет развлечь одинокого парижанина. Следующий отрезок набережной оккупировали антиквары. Если кафе напротив букинистов – демократические, то от соседства антикваров они дорожают. Это и естественно: букинисты пристроились в Латинском квартале, за углом бульвара *Saint-Michel*, напротив *Notre-Dame* и Префектуры полиции, обсиженной выходцами из третьего мира, выправляющими вид на жительство. Это и самая туристическая точка, сувенирные магазинчики и лотки предлагают совершенно не характерную и даже позорную для Франции продукцию: аляповатые эйфелевы башни, майки с кричащими надписями – это, видно, от презрения французов к иностранцам. Вполне заслуженного, впрочем. Французский вкус, умение видеть и ценить каждую мелочь, находить ей место, контекст – это врожденное чувство стиля, предметной гармонии, как у итальянцев – оперный голос или у немцев – страсть к порядку.

У антиквара это будет, конечно, дороже, но ровно настолько, сколько стоит любезность продавца в арендуемом им изящном интерьере, гарантия подлинности и чашечка кофе.

Кстати, в Мюнхене – *Flohmarkt*, блошинный рынок – это настоящее воскресное развлечение. Помимо профессионалов-скупщиков, туда приходит масса людей, принося с собой какие-нибудь предметы из дома: которые надоели или не нужны, их продают за копейки. Толпы людей прогуливаются по живописному парку, где разворачивается ярмарка (как раз немецкое слово – *Jahrmarkt*), едят барбекю и горячие сосиски и обязательно находят какую-нибудь приятную безделушку в дом. Парижский блошинный рынок, *marche aux puces* – совсем другой. Именно потому, что французы умеют ценить вещи, все, что продается, имеет свою полностью оправданную цену. Сюрпризов не жди: бедняки, притащившие сюда украденный или нарытый на помойках хлам, продают его по дешевке, но это и есть хлам. А уж за какую-нибудь иконку прошлых веков или серебряную пудреницу вы заплатите ее рыночную цену. У антиквара это будет, конечно, дороже, но ровно настолько, сколько стоит любезность продавца в арендуемом им изящном интерьере, гарантия подлинности и чашечка кофе. Настоящий буржуин на *marche*

аих *rices* не потащится. Редкости всё равно попадают к антикварам, а краденый коврик в приличном доме не постелят.

Природа по-парижски тоже должна быть уютна, комфортна, рукотворна, как сам город.

Другое дело – *brocante*. Это такие ярмарки, разворачивающиеся по выходным на городских площадях. Бывают и большие *brocantes*, на неделю, с рекламой по всему городу, туда-то и стекается парижский люд от мала до велика. Поглазеть на этот «уличный» товар не гнушается никто: здесь можно встретить изделия кустарей-одиночек, маленьких фабрик, *brocante* – это и выездная сессия недорогих ювелиров, антикваров, просто галантерейщиков.

В Париже нет пустого пространства, разве что пустыни внутренние (*ame*, душа, считается у французов атрибутом католической риторики). *Le bois de Boulogne* – любимая воскресная вылазка приличных людей, потому с концом хиппизма 70-х оттуда убрали знаменитых проститутток-трансвеститов. Тут, в *Bagatelle* (что буквально значит – безделушка, безделица), можно купить настоящие французские сувениры, модные и красивые, погулять в розарии, среди павлинов, посидеть у ручейка, пообедать в роскошном ресторане, послушать концерт на открытой площадке. Природа по-парижски тоже должна быть уютна, комфортна, рукотворна, как сам город.

2000

Париж накануне третьего тысячелетия

...нельзя себе представить Москву подобной Парижу, где французов по происхождению на глаз — меньшинство.

Я только что вернулась из Парижа, где не была целых два с половиной года. Поехала просто так, поскольку тяготилась разлукой со вторым, после Москвы, родным мне городом. Бывала я там бесчисленное количество раз, а жила три года (с 92-го по 95-й): это вроде и немного, но в парижской моей жизни было столько адреналина, что она вполне сопоставима со всей предшествующей московской. Вернувшись в 95-м году жить в Москву, я встречала только недоумение: как можно заведомо прекрасное променять на нашу навозную кучу (из популярного анекдота: «Это наша родина, сынок»). Когда я пыталась объяснить, почему мне невмоготу там жить, у сородичей возникал приступ злорадства: «Ясное дело, Запад – дерьмо, мы круче».

Это национальное сознание россиян поражает меня неизменно: радость оттого, что у соседа корова сдохла, будто это автоматически означает, что мы и без всякой коровы – лучше. Зависть к богатым и благополучным странам не дает России покоя никогда, озвучиваясь как ненависть в сочетании со стремлением съездить, пожить, получить грант, кредит, послать детей учиться за границу. Что по-прежнему считается большой удачей, если удастся. Сейчас, по приезде, когда я делилась впечатлениями – а касались они поразившей меня деградации Парижа, – реакция была обычной. Россияне давно ждут, что Европа с Америкой загнутся и мы получим все их золотые медали и первые места.

Ловлю себя на том, что и мне свойственны подобные чувства, только касаются они других регионов планеты. Моя геополитическая «линия фронта» проходит не по линии зависти, а по линии страха. Вот Салман Рушди написал что-то не то про ислам, и теперь всю жизнь вынужден скрываться. «Правда, что все русские – ксенофобы?» – спросили меня в Париже. «Не более, чем французы», – ответила я. Хотя, конечно, нельзя себе представить Москву подобной Парижу, где французов по происхождению на глаз – меньшинство.

В аэропорт Шарль де Голль я прилетела своим любимым вечерним рейсом Аэрофлота. Достаю из сумки французскую телефонную карту, звоню, чтоб меня встречали на другом конце Парижа, у станции RER. Это такое замечательное изобретение: скоростное метро, охватывающее все пригороды и становящееся за чертой города электричкой. От аэропорта бесплатный автобус доставляет пассажиров к станции RER по соседству с аэропортом. Позвонив и обнаружив, что на карточке у меня осталось еще 28 соединений, я иду в пункт обмена валюты, их там два и прежде они всегда работали. В том числе, в 9 вечера, когда я обычно прилетала. Тут не работал ни один. Вот, думаю, незадача для тех, кто не имеет кредитной карты: иностранную валюту не примет ни RER, ни такси. Но я, по счастью, такую карту имею и двигаюсь к банкомату. На нем написано: «Не работает». Как же быть иностранцу, не владеющему, опять же в отличие от меня, французским? – думаю я. Потому что я со своим маленьким чемоданчиком (не дай Бог, был бы большой или даже два) спускаюсь на два этажа вниз, где в кафе можно, объяснив свое бедственное положение, получить немного наличных, попросив оплатить что-нибудь картой, но пробить больше, а остальное дать наличными.

...в парижской моей жизни было столько адреналина, что она вполне сопоставима со всей предшествующей московской.

Вооружившись франками, я обнаруживаю, что поиски мои заняли много времени и надо предупредить встречающих, чтоб пришли позже. Всовываю в телефонный автомат карту с 28 звонками в запасе, а автомат отвечает мне: «Аномалия». И еще пятнадцать автоматов на всех этажах отвечают мне то же самое, последний же из опробованных выразился яснее: «Карта отвергнута». Ну, думаю, испортилась за время моих беганий по этажам. Иду в киоск «пресса – табак», где всегда в Шарль де Голль покупала телефонные карты, а мне говорят: «Карты кончились».

Я же, по пересечении границы, уже перестроилась на французский лад: на то, что все всегда вежливо, что всё функционирует без запинки, – и была ошарашена.

Тут надо понять разницу: русский человек привык к тому, что всё может сломаться, кончиться, деньги из банка могут исчезнуть, подсознательно он готов ко всему плохому. Поскольку не единожды просыпался и в аду, и в пропасти. Я же, по пересечении границы, уже перестроилась на французский лад: на то, что все всегда вежливо, что всё функционирует без запинки, – и была ошарашена. Потеряв час времени, я двинулась к RERy. Он пришел по расписанию, которое, как всегда, значилось на подвешенных к потолку экранах, а на электронных табло светились названия станций, где останавливался данный поезд. Я уж не говорю о том, что все станции снабжены видеокамерами: барьер для злоумышленников. У нас, хочу заметить, ничего этого нет и в помине, а в Париже все это есть уже давно.

У приятеля-француза, рассудительного профессора, спрашиваю, рассказав о зловключениях в аэропорту: «В чем дело?». «Это 35 часов», – отвечает он коротко. Речь идет о введении социалистическим французским правительством во главе с Лионелем Жоспеном 35-часовой рабочей недели вместо обычной 40-часовой (восьмичасовой рабочий день с двумя выходными). Казалось бы, разница невелика: каждый день работаешь на час меньше. Но в результате оказывается, что недопроизводится продукции и недооказывается услуг на гигантские суммы. Новшество введено несколько месяцев назад, и отношение к нему французов парадоксально: с одной стороны, каждый доволен, что может за ту же зарплату меньше работать, а с другой – каждый недоволен тем, что ему повсюду стали недодавать. Например, возник дефицит – по французским масштабам, конечно. Раньше приходишь в магазин, и там тебе есть все размеры и цвета. А теперь тебе отвечают, что остался только один цвет, один размер, и чтобы что-нибудь купить, надо обегать весь город. Появились знакомые человеку, жившему при советском строе, повадки продавщиц: если раньше они устремлялись вам навстречу, улыбаясь и расхваливая свой товар, то теперь во многих обычных магазинах (я не беру в расчет за пределами дорогие бутики) на вас и вовсе не обращают внимания. На вопросы отвечают:

«Всё перед вами», «Посмотрите ценник», и вам становится неловко, что вы пришли помешать ее величеству продавщице болтать с подружкой или читать книгу.

Общаясь со своей давней подругой, журналисткой из газеты «Фигаро» Везьян де Везен, спрашиваю: «Может, это мне мерещится?». «Так всё и есть, – говорит. – Процесс идет лет пять, а 35 часов вызвали резкий спад». Она же объяснила мне, что введены и другие изменения социалистического толка, которые вызывают до боли знакомые советскому человеку явления. Например, раньше в ресторанах и кафе цены не включали обслуживание, так что в зависимости от расторопности официант получал чаевых больше или меньше, минимально – 10 %, но если плохо обслужил – то и нисколько. Парижские официанты – это была сказка. Они гордились, что работают в своем замечательном заведении, расписывали каждое блюдо так, что хотелось съесть всё, шутили и остряли под стать Жванецкому, проявляли психологическую проницательность: старались ободрить, если видели, что вам грустно, и сделать так, чтобы пара, пришедшая с проблемами, ушла счастливой. Вам могли рассказать историю ресторана, кто здесь бывал и что здесь есть примечательного. Так что проведение досуга в парижских кафе и ресторанах – это не просто вкусная еда, это удачно проведенный вечер.

Парижские официанты – это была сказка.

За неделю своего пребывания в Париже я питалась исключительно в городе, заходя также и кофе выпить или минеральной воды. Обошла все свои любимые и знакомые места. И была ошарашена не меньше, чем в аэропорту. В один вечер я пошла в самый старый ресторан Парижа возле площади Одеон, «Прокоп», фигурирующий во всех туристических справочни-

ках как достопримечательность, кроме того, он и вправду великолепен. Специализируется на морской еде. Пожалуй, единственный вид пищи, который вызывает у меня вожделение, – это свежие морепродукты: устрицы и всякие другие ракушки, по большей части, не имеющие русского названия за их отсутствием в наших краях. «Обслуживание 15 % включено», читаю я в меню, как и во всех нынешних парижских ресторанах. Народу, как всегда, много, слышится разноязыкая речь. Столиков, как мне показалось, стало больше: они теперь стоят вплотную, так что все отлично слышат беседы друг друга и чуть не толкают локтем (столики крохотные, что для Парижа обычно). Это вызывает некоторую нервозность. Вижу, как одна пара – француз и его иностранный гость, – просят их пересадить, поскольку им явно пришлось не по душе развеселившиеся соседи. Рядом со мной – тоже француз с гостем-англичанином. Я закуриваю, и тут сосед срывается на меня, говоря очень грубо, что моя сигарета его достала (хоть я и сижу в «курящей зоне»). Я опять ошарашена.

...мне кажется, что интерес смещается в сторону вещей базовых, соответственно, искусство и наука могут вернуть себе пьедестал, отнятый у них культом неземной красоты (90-60-90) и больших денег.

Некогда, в первые месяцы моей жизни в Париже, издатель вызывал меня на ковер после презентации моей книги, которая, как мне казалось, прошла успешно. Мне объяснили, что я вела себя непозволительно, прибегнув к иронической тональности по поводу вечного недовольства автора переводами, отношений автора, думающего о своем, и издателя, заботящегося о рынке. И то, что всем было весело, – это вовсе даже не хорошо. Моя задача была – объяснить публике, что мое издательство – лучшее в мире, что выбранный им переводчик – тоже лучший во Франции, в противном случае, я своим «юмором» бросаю тень на их репутацию. «Мы понимаем, – сказали они, – что вы русская, что у вас так принято, что вы не нарочно, но запомните: Франция – страна нежная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.